ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1952

Р. И. АВАНЕСОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В своих гениальных трудах по языкознанию И. В. Сталин в качестве одного из основных положений марксистской науки о языке выдвинул положение, согласно которому «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[1]. Одновременно И. В. Сталин указал, что «главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка...»[2] Он особо подчеркнул, что эта задача остается в силе и при скрещивании языков, ибо «...скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития»[3].

Для разрешения проблемы связи между историей языка и историей народа, проблемы внутренних законов развития языка, а также до сих пор не разработанной советскими языковедами проблемы связи между этими двумя важнейшими положениями советского языкознания много ценных данных дает лингвистическая география.

I

Теория советской лингвистической географии должна строиться на незыблемом фундаменте марксизма-ленинизма, последним словом которого в применении к вопросам языкознания является классический труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Основополагающие сталинские указания с предельной четкостью определяют объект диалектологии и ее задачи. Диалектология — наука о местных разновидностях общенародного языка в его историческом развитии. Диалекты сочетают в себе общие признаки данного языка с частными, различительными признаками каждого из них. Таким образом, структура диалектов по отношению друг к другу, а также по отношению к нормализованному типу национального языка тождественна в одних звеньях и заключает в себе различия в других. Языковые различия, частное в языке, специфически диалектное не может быть познано вне связи с общими элементами структуры языка в его истории. Между языковыми особенностями, отличающими диалекты одного языка от диалектов другого, обычно имеются отношения строгих соответствий, благодаря которым они образуют в структуре языка так называемое соответственное явление.

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.
[2] Там же, стр. 30.
[3] Там же.

Теория лингвистической географии состоит из двух тесно связанных друг с другом и объединяемых понятием диалектного различия отделов — картографирования и интерпретации карт.

Для интерпретации лингвистических карт важен тот факт, что по отношению к историческому развитию строя языка одна из диалектных особенностей, составляющих диалектное различие, обычно представляет собой сохранение старины (архаизм), другая (или другие) — черту новую (новообразование, иногда — заимствование). В процессе формирования норм национального языка одна из соотносительных диалектных особенностей оказывается в составе этих норм и тем самым перестает быть собственно диалектной. Естественно, что ее территория, по мере того как она укрепляется в качестве нормы национального языка, имеет тенденцию к расширению. Другие соотносительные особенности, являющиеся чисто диалектными, напротив, могут постепенно суживаться в своем территориальном распространении.

Однако длительный процесс образования норм национального языка в разные его периоды охватывал отдельные стороны языка — фонетическую систему, грамматический строй, словарный состав — неравномерно. Известно исключительное единство русского языка в целом (включая его диалекты) по грамматическому строю и основному словарному фонду. Это единство объясняется, видимо, не только общностью происхождения русских диалектов и указанной И. В. Сталиным значительной устойчивостью грамматического строя и основного словарного фонда, но также тем, что в эпоху образования национального языка процесс нормализации затронул прежде всего эти решающие стороны структуры языка, которые «...составляют основу языка, сущность его специфики»[4]. Иначе обстояло дело с фонетической системой: образование норм здесь значительно отставало, а на первых порах, возможно, и почти отсутствовало. Лишь впоследствии, по мере дальнейшего укрепления и развития норм национального языка, более заметной стала нормализация языка в отношении его фонетической системы. Но, как известно, процесс этот еще не завершился и в наши дни; этим, видимо, прежде всего объясняется сохранение до последнего времени существенных различий в фонетической системе русских говоров, благодаря чему фонетика приобретает исключительно важное значение при изучении истории отдельных диалектов, а также при сравнительно-историческом изучении диалектов и родственных языков.

Известно, что следует различать возникновение языкового явления на определенной территории и его дальнейшее распространение. Последнее, вопреки широко принятому в зарубежной лингвистической географии мнению, далеко не всегда является механическим процессом заимствования, «миграции» слов, а по отношению к фонетике — простой заменой звуков (субституцией). В близко родственных диалектах оно чаще представляет собой сложный процесс развития явления, органически связанный с развитием диалектов по их внутренним законам. Само распространение языкового явления, в особенности фонетического и морфологического, на территории близко родственных диалектов свидетельствует о единстве структуры диалектов данного языка, т. е. обусловлено единством их внутренних законов развития при наличии в них определенных частных различий.

Нередко одно и то же явление бывает представлено на разных территориях в ряде своих разновидностей. Изучение структурных соотношений последних во многих случаях свидетельствует о неодновременном возникновении явления на разных территориях, о направлении и разных этапах

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

развития изучаемого явления. В других случаях структурные различия данного явления в отдельных диалектах могут свидетельствовать о том, что в системе этих диалектов существовали различия до возникновения рассматриваемого явления, которые и обусловили его структурные особенности.

Отсутствие структурных различий в том или ином явлении на обширной территории не всегда свидетельствует о его возникновении на всей территории, так как в процессе своего распространения это явление может в конце концов приобрести тот вид, который оно имеет на месте своего возникновения. Иначе говоря, структурное тождество изучаемого явления в разных диалектах может оказаться результатом качественно различных и относящихся к разному времени процессов.

Только изучение явления в его развитии, в определенных конкретно-исторических условиях, с привлечением всех относящихся к нему качественно различных источников может помочь восстановить наиболее адекватно те процессы, которые имели место в действительности.

Из предыдущего вытекает, что лингвистическая география имеет хотя и весьма важное, но вспомогательное значение для истории языка. Вопреки широко распространенному в зарубежной лингвистической географии мнению, характер изоглоссы, так называемый «лингвистический ландшафт», сам по себе еще не объясняет истории явления, ибо один и тот же «ландшафт» может появиться разными путями, в результате разных процессов внутреннего развития языка и при разных исторических условиях.

И. В. Сталин учит, что язык есть продукт ряда эпох, он создан усилиями сотен поколений. Изоглосса также есть результат всего пройденного данным языком исторического пути развития. Поэтому простое сопоставление изоглосс с данными истории того или иного периода редко может помочь выяснению соответствующих явлений. Лингвистическая карта сама по себе мертва и схематична. Из нее нельзя вывести историю языковых явлений и диалектов. Но она может озарить ярким светом историю языка, может помочь установить пути развития явлений, время и первоначальную территорию их возникновения, если мы умело ею воспользуемся, если одновременно с данными лингвистической географии мы будем изучать внутреннюю историю развития языковых явлений, учитывать их относительную хронологию, данные письменных источников, если при этом мы будем рассматривать все эти языковые данные в тесной связи с данными истории, исторической географии и археологии.

Таким образом, в свете исследований советских диалектологов оказывается совершенно несостоятельным противопоставление «внешней» и «внутренней» истории языка, характерное для зарубежного языкознания, и отнесение лингвистической географии полностью к сфере первой. «Внешняя» история, территориальное распространение языкового явления, представляет собой цепь диалектных особенностей, обычно являющихся разными звеньями развития языка по его внутренним законам; с другой стороны, «внутренняя» история, развитие языкового явления, не мыслится вне реальной истории, ограниченной определенным временем и местом. «Внутреннюю» историю языкового явления нельзя себе представить вне его пространственной проекции — вне отражения на определенной территории разных звеньев процесса его внутреннего развития, относящихся нередко к разному времени.

II

Составленные атласы русских народных говоров (центральных областей к востоку от Москвы и северо-западных областей) дают много новых данных для изучения внутренних законов развития русского языка в обла-

сти фонетической системы и грамматического строя. Ценные материалы дают также данные лексики. В связи с работой над атласами не только установлены границы сотен языковых явлений, но также собраны сведения по многим, ранее мало известным или на данной территории вовсе не известным явлениям. Ниже мы кратко охарактеризуем лишь некоторые, немногие языковые явления, представляющие, по нашему мнению, существенный интерес для изучения внутренних законов развития русского языка.

Из области ударенного вокализма в говорах на территории, которая картографирована в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»[5], мы отметим такие явления, как наличие особой фонемы на месте этимологического *ѣ*, различение фонем *ô* и *о*, отсутствие изменения *е* в *о*. На вышеуказанной территории обнаружено более ста населенных пунктов, в говорах которых на месте этимологического *ѣ* под ударением перед твердым согласным произносится особая фонема *ê*, или *и͡е*, или (реже) гласный *и*: *л'êс* или *л'и͡ес*; *л'êто* или *л'и͡ето*; *с'êно* или *с'и͡ено* и т. д. Такое произношение отмечено во многих южновеликорусских говорах рязанской области, в «мещерских» говорах, большей частью южновеликорусского происхождения, а также (менее компактно) — в северновеликорусских говорах смежных районов Владимирской области[6].

Установленное материалами «Атласа» сохранение особого произношения гласного на месте старого *ѣ*, ранее мало известное[7], опровергает принятое до недавнего времени большей частью историков русского языка мнение о том, что это произношение является чертой архаических северновеликорусских говоров, в отличие от южновеликорусских, которым свойственно развитие *ѣ* в *е*. Правда, известны были косвенные данные об особом произношении *ѣ* в южновеликорусских говорах по его отражению в некоторых типах диссимилятивного яканья, но они мало были приняты во внимание историками языка при изучении истории *ѣ*. Однако оказались широко представленными и прямые данные — непосредственное сохранение такого произношения в ряде южновеликорусских рязанских говоров.

В говорах, имеющих на месте *ѣ* под ударением перед твердыми согласными *ê* или *и͡е*, и перед мягкими согласными может звучать *ê*, *и͡е*, но может также звучать *и* (*в'и́т'ар*, *м'и́с'ац*); в говорах, имеющих на месте *ѣ* гласный *и* перед твердыми согласными, естественно, и перед мягкими бывает представлено *и*. Эта черта как элемент фонетической системы также была мало известна в южновеликорусских говорах, если не говорить об отдельных лексически обособленных случаях, таких, как *jис'т'* «кушать», *д'и́вер'*.

Важным для русской диалектологии оказывается также довольно широко представленное по говорам под ударением между мягкими согласными изменение в *и* не только старого *ѣ*, но также *е* (из *е* и *ь*): *д'ин'*, *п'ин'*, *пл'ет'и́н'*, *в'ир'х* и т. д. Эта особенность встречается в говорах северновеликорусских владимирского типа на северо-востоке от Москвы в пре-

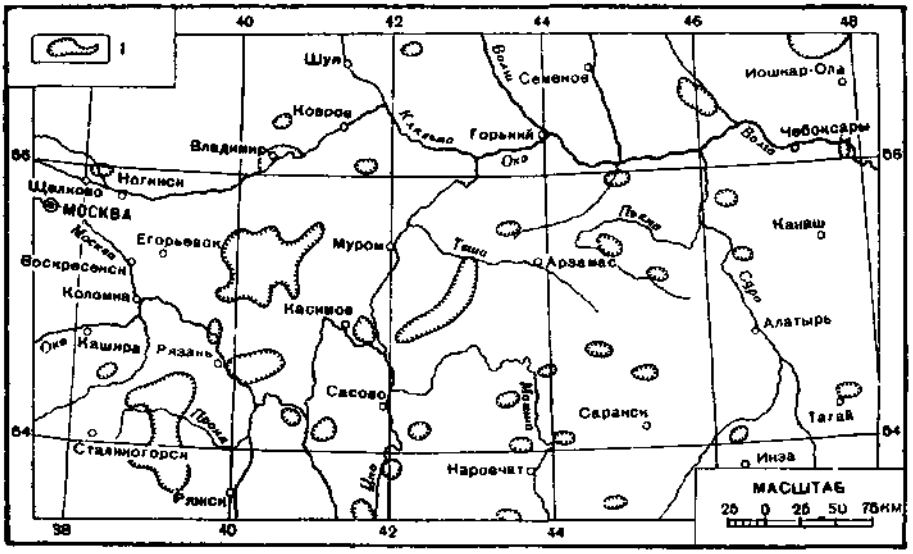
[5] В дальнейшем вплоть до стр. 35 мы будем ссылаться именно на этот «Атлас».

[6] Оно отмечено на юго-востоке картографированной части Рязанской области в Елатомском, Сасовском, Конобеевском районах: на западе — в Рыбновском, Солотчинском, Спасском; на юге — в Захаровском, Октябрьском, Пронском районах Рязанской области и Донском и Кимовском районах Московской области, на севере Рязанской области — в Клепиковском и Тумском районах и в некоторых пограничных с ними районах Московской и Владимирской областей — Коробовском и Кривандинском районах (Московской области), Гусь-Хрустальном и Курловском районах (Владимирской области), а также вокруг г. Владимира и далее на север к Иванову.

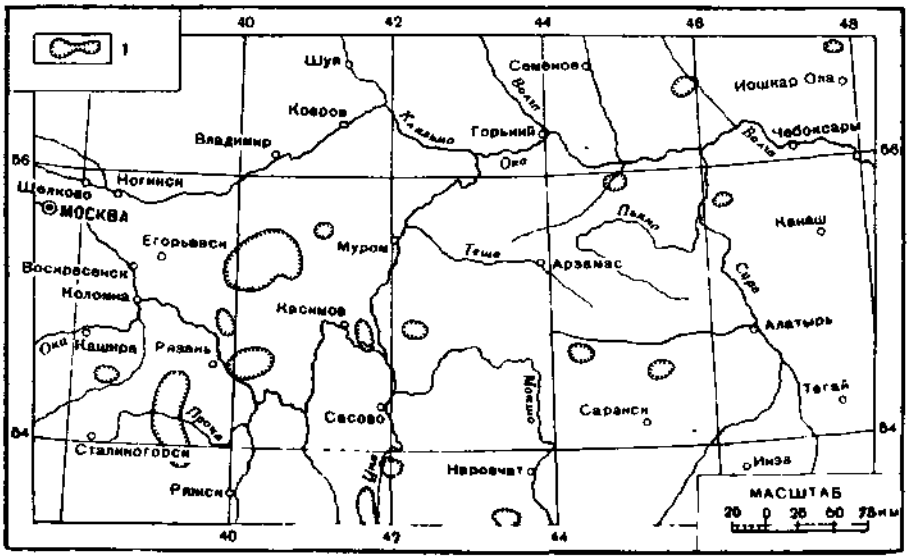
[7] См., например, сообщение Ф. М. Тоньшина в «Трудах Московской диалектологической комиссии», вып. 3, Варшава, 1914, стр. 57—59, а также статью Б. М. Соколова «К вопросу о дифтонгическом произношении *ѣ* и *о* в южновеликорусских говорах», там же, вып. 8, стр. 25—30.

делах Московской области, в ряде районов Владимирской, Ивановской и Горьковской областей[8].

Также весьма существенны материалы «Атласа» по истории гласного *о* различного происхождения. Оказалось довольно много говоров, в том



Карта № 1. *1* — гласные *ê*, *ûe*, или *u* на месте *ѣ* под ударением перед твердым согласным.



Карта № 2. *1* — гласные *ô* и *ûo* на месте старого *о* под восходящим ударением.

числе южновеликорусских, в которых различаются фонемы *ô* и *о*, причем первая употребляется на месте *о* под восходящим ударением, а вторая на месте *о* под нисходящим ударением и *ъ*. Имеющийся по указанному явлению значительный материал позволяет не только дать дотальную харак-

[8] Программа, по которой собирались материалы «Атласа», не предусматривает этого явления. Поэтому надо полагать, что имеющиеся сведения не отражают его с должной полнотой.

теристику этого явления, но также и установить процессы, ведущие к утрате различения *ô* и *о*. Материалы свидетельствуют, что рядом с фонемой *ô* в качестве ее разновидности употребляется также *уо̂*, а рядом с фонемой *о* употребляется *оу*. Отметим, что этот последний гласный ранее был мало известен и впервые подробно был описан С. С. Высотским[9]. Отсутствие позиционной обусловленности, определяющей употребление указанных разновидностей фонем (*ô* — *уо̂* и *о* — *оу*) направило внимание последующих исследователей на наблюдения над ритмико-интонационной и синтаксической сторонами диалектной речи. В результате этих наблюдений удалось установить зависимость в употреблении *уо̂* (в отличие от *ô*), а также *оу* (в отличие от *о*) от интонационных и синтаксических условий целой фразы. «Дифтонги *уо̂* и *оу* произносятся в тех словах, которые интонационно подчеркиваются в предложении, имеют логическое ударение предложения»[10].

Наблюдения над процессом утраты различения этих фонем позволили установить, что употребление гласного *о* вместо *уо̂* и *оу* и гласного *ô* вместо тех же фонем, ведущее к их неразличению, укрепляется прежде всего при отсутствии на соответствующих словах логического ударения, а также в условиях более беглой, неотчетливой речи.

Наличие особого гласного (*ô* или *уо̂*) на месте *о* под восходящим ударением на территории, картографированной в «Атласе», ранее было известно лишь для отдельных единичных пунктов (например, для с. Новоселки[11], д. Лека[12], с. Пустоша[13]). «Атлас» дает материал о различении фонем *ô* и *о* (или о наличии *ô* при развитии разного рода процессов, ведущих к неразличению *о* закрытого и открытого) для более чем 60 населенных пунктов, на территории так называемого Мещерского края — в рязанском Заочье, вокруг Рязани, на юге, востоке и юго-востоке от Рязани[14]. Подобный массовый материал, и сам по себе представляющий большую ценность для истории русского языка, в особенности становится важен, если учесть, что значительная часть говоров, имеющих *ô*, относится к южновеликорусским. Известно, что наличие *ô* еще до недавнего времени принималось в качестве особенности части северновеликорусских говоров в отличие от южновеликорусского наречия. Свидетельство о различении фонем *ô* и *о* по их неодинаковому отражению в системе диссимилятивного яканья обоянского и задонского типов мало было принято во внимание историками языка при реконструкции ударенного вокализма южновеликорусских говоров.

Исследователь ударенного вокализма русских говоров не может не обратить внимания на то, что, как правило, гласный *ô* в качестве особой фонемы встречается в тех говорах, которым свойственна фонема *ê*; однако последняя встречается шире, чем *ô*. Таким образом, речь идет не только о наличии или отсутствии тех или иных фонем, но и о системе

---

[9] См. С. С. Высотский, О говоре д. Лека, «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, М. 1949; его же, Говоры восточной окраины Московской области, «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1, 1948.

[10] О. Г. Гецова, Говор села Катагощи, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, МГУ, 1952.

[11] См. Ф. М. Тоньшина, Указ. соч.

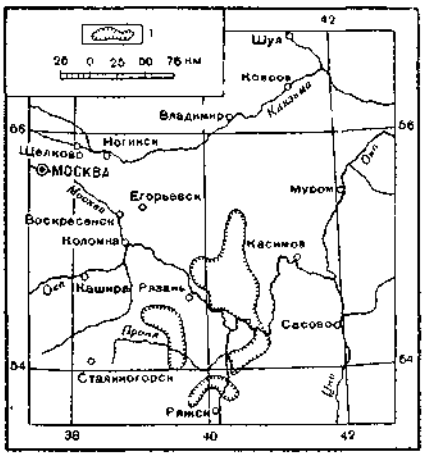
[12] См. А. А. Шахматов, Описание лекинского говора, «Известия Отд-ния русск. языка и словесности АН», т. XVIII кн. 4, 1913.

[13] См. Д. В. Бубрих, Фонетические особенности говора с. Пустошей, «Известия Отд-ния русск. языка и словесности АН», т. XVIII, кн. 4, 1913.

[14] Это явление отмечено в Клепиковском и Тумском районах Рязанской области, в Курловском районе Владимирской области, в Солотчинском, Спасском, Мервинском, Захаровском, Пронском, Елатомском районах Рязанской области, в Конобеевском и Моршанском районах Тамбовской области.

ударенного вокализма в целом: о различении четырех или трех степеней подъема, т. е. о наличии или отсутствии верхне-среднего подъема наряду с нижним, средним и верхним подъемами, общими для всех говоров русского языка.

Говоры, не изменившие *е* в *о*, обнаружены главным образом на территории Мещеры, а также и на основной рязанской территории юго-западнее, южнее и юго-восточнее Рязани [15]. До недавнего времени в научной литературе были известны лишь единичные указания на это явление, притом лишенные сколько-нибудь солидного материала. Более полные сведения имелись, пожалуй, только из с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области [16]. В 1939 г. автором настоящей статьи это явление было обнаружено в с. Кидусово Спасского района; в 1940 г. им же — в д. Шехмине Рыбновского района, в Кортоносове и Долгинине Солотчинского района, в д. Тимохино Клепиковского района и В. Г. Орловой в Ольгине и Ювине Клепиковского района. В 1945—1950 гг. в связи с собиранием материала для «Атласа» территория говоров, не изменивших *е* в *о*, была значительно расширена. Для 45 населенных пунктов это явление может быть иллюстрировано достаточным, а в ряде случаев и значительным материалом. Кроме того, оно известно в единичных примерах еще в 37 населенных пунктах. Характерно, что за последние годы появились сведения об этом явлении и для южновеликорусских говоров за пределами территории, картографированной в «Атласе», — в Пензенской области [17] и в Тульской области [18].



Карта № 3. *1* — отсутствие изменения *е* в *о* под ударением перед твердым согласным.

Анализ материала свидетельствует о том, что ударенный гласный *е* (из *е* и *ь*) после мягкого согласного перед твердым сохраняется без изменения в *о* в корнях слов, а также и в формальных элементах, но не в падежных окончаниях и не в уменьшительном суффиксе *-ок*, а также не в суффиксе *-ов*: *п'ат' д'ен, в'ёрст, св'ёкла, кл'ен, б'ер'ёза, ав'ёс, прин'ёс, в'ес'ёлаj, ч'ер'ёмуха, зав'ёртъвът', м'ёрзла, зам'ёрс, н'идал'ёка, ут'ёнак, γалч'енак, т'ел'ёнак, з'ел'ёнаj, атвар'ёна, сал'ёнаj* и т. д. Однако в падежных окончаниях и в суффиксе *-ок* последовательно произносится *о*: *дупл'о́, нутр'о́, дупл'о́м, нутр'о́м, аγн'о́м, м'ъдв'ад'о́м; м'ъдв'ад'о́в; з'амл'о́j, на н'о́м, в маjо́м, в маjо́j, ч'joj* и т. д.; *кул'о́к, аγан'о́к, уγ ал'о́к, къвал'о́ф* (фамилия) и т. д. Нетрудно заметить, что гласный *о* произносится в таких

[15] Отсутствие изменения *е* в *о* отмечено в Клепиковском, Тумском, Рыбновском, Солотчинском, Спасском, Ижевском, Шелуховском, Захаровском районах и, несколько реже, далее на юг в Пронском, Сапожковском, Семионовском, Кораблинском, Ряжском, Ухоловском и др районах Рязанской области.

[16] См. Ф. М. Тоньшин, Указ. соч., стр. 64, а также Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв., Л., 1929, стр. 162—163.

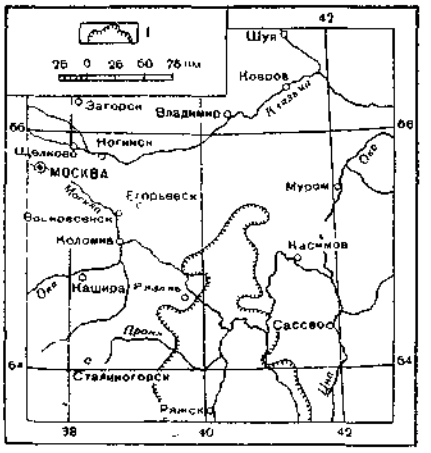
[17] См. А. Н. Гвоздев, Говор западной части Вадского района Пензенской области, «Ученые записки Куйбышевского педагогического института», вып. 5, Кафедра языкознания, Куйбышев, 1942.

[18] См. В. Н. Сидоров, Об одном тульском говоре с гласной *е*, не изменившейся в *о*, «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, Изд-во АН СССР М.— Л., 1949.

формальных элементах, которые употребляются не только после мягких согласных, но также и после твердых, и что, следовательно, *о* в этих случаях появился нефонетически, по образцу соответствующих твердых основ (ср. *село, селом, столов, пилой, на том, в той, возок, дубок, Иванов* и т. д.).

Широкое распространение «неперехода» *е* в *о* опровергает принятое до сих пор в истории русского языка мнение об изменении *е* в *о* как о черте, общей для всего русского языка (разделяемой также в значительной мере белорусским языком в отличие от украинского). Изменение *е* в *о* и сейчас отсутствует во многих архаических рязанских говорах, а в прошлом, видимо, его не было и во многих других южновеликорусских.

Следует отметить, что рассмотренная черта важна не только сама по себе, но и для выяснения истории яканья. Сопоставление данных об отсутствии изменения *е* в *о* с данными об имеющихся в тех же говорах некоторых типах яканья дает важные сведения как для истории этих типов яканья, так и для истории гласного *е*.



Карта № 4. *1* — ассимилятивно-диссимилятивное яканье.

Большое значение для истории русского языка имеет установление для рязанских говоров в качестве основного типа яканья ассимилятивно-диссимилятивного яканья обеих разновидностей [19]. Этим опровергается до последнего времени принятое в русской диалектологии мнение о том, что рязанским говорам свойственно яканье сильное. Последнее встречается лишь в немногих населенных пунктах на периферии ассимилятивно-диссимилятивного яканья, причем в соседних говорах (с говорами, имеющими ассимилятивно-диссимилятивное яканье) почти всегда есть элементы перехода к сильному.

Интересно отметить, что на части территории ассимилятивно-диссимилятивного яканья [20] отмечено примерно в десятке населенных пунктов умеренно-диссимилятивное яканье с диссимилятивной основой щигровского или суджанского типов. Это подтверждает установленное С. И. Котковым положение о развитии умеренно-диссимилятивного яканья из диссимилятивного, т. е. о распространении ассимилятивности первоначально на положение перед твердым согласным (это дает умеренно-диссимилятивное яканье), а затем и на положение перед мягким согласным (это дает ассимилятивно-диссимилятивное яканье).

Таким образом, устанавливается преемственная связь между яканьем диссимилятивным, умеренно-диссимилятивным, ассимилятивно-диссимилятивным и сильным, которые в данных говорах представляют ряд звеньев единого процесса, восходящих к диссимилятивному яканью. «Атлас»

---

[19] Это яканье распространено в Клепиковском, Тумском, Солотчинском, Спасском, Ижевском, Рыбновском, Захаровском, Мервинском Рязанском, Букринском, Шелуховском, Шиловском, Пронском, Старожиловском, Семионовском, Сапожковском, Можарском, Горловском, Сковинском, Кораблинском, Ухоловском, Сараевском, Муравлянском, Желтухинском, Ряжском районах Рязанской области.

[20] В районах Спасском, Солотчинском, Захаровском, Пронском, Шелуховском, Шиловском, Можарском.

дает основания утверждать, что южновеликорусским рязанским говорам в прошлом было свойственно диссимилятивное яканье.

Следует отметить, что ассимилятивно-диссимилятивное яканье нередко сопровождается отсутствием изменения *е* в *о* под ударением. В таких говорах при наличии под ударением гласного *е*, не изменившегося в *о*, в предударном слоге произносится «не-*а*»; если же под ударением находится гласный *о* после мягкого согласного (или шипящего) аналогического происхождения в падежных окончаниях и указанных выше отдельных суффиксах, то в предударном слоге произносится *о*: *в'ис'ёл'jъ, вис'ёлъj, бир'ёза, д'ир'ёвн'а, в'ид'ём, н'ес'ём, п'ек'ём* и т. д.; но: *пл'ач'о́, б'ал'jо́, вид'ан'jо́, з'в'ар'jо́, мид'в'ад'jо́, з'амл'о́j; с'ам'jо́j* (но: *с'им'ej*), *м'ид'в'ад'о́м, р'амн'ом, гър'ач'о́, с'в'а'жо́, д'ан'о́к, п'ан'о́к, хм'ал'о́к, гр'иб'ан'о́к, с'н'ажо́к, б'ир'ажо́к, м'ашо́к, хм'ал'о́ф* (фамилия) и т. д.

В других говорах ассимилятивно-диссимилятивное (или диссимилятивное) яканье сопровождается наличием под ударением гласного *о* после мягких согласных (и шипящих) перед твердым согласным на месте *е* (из *е* и *ь*). Однако реакция системы ассимилятивно-диссимилятивного (или диссимилятивного) яканья на ударенное *о* после мягких согласных и шипящих в таких говорах оказывается двоякой — если ударенный гласный находится в падежных окончаниях и указанных выше суффиксах, то в предударном слоге звучит *а*, в остальных случаях в нем звучит «не-*а*»: *вис'ёлъj, б'ир'ёза, в'ид'ём, н'ис'ом, п'ик'ём* и т. д.; но: *з'амл'о́j, с'ам'jо́j, м'ид'в'ад'ём, гър'ач'о́, с'в'ажо́, д'ан'о́к, п'ан'о́к, с'н'ажо́к* и т. д. Итак, произносится *в'ид'ём*, но *м'ид'в'ад'ём*, причем такие отношения представлены не только в рязанских говорах, но и в других говорах с диссимилятивным яканьем (кроме жиздринского типа) [21].

Представленный материал не оставляет сомнения в том, что ударенный *о* после мягких согласных в этих двух категориях случаев возник в разное время: в падежных окончаниях и суффиксах *-ок* и *-ов* в более раннюю эпоху и при этом в эпоху, предшествующую образованию данного типа яканья, а в остальных случаях — в эпоху позднейшую, когда тип яканья не только уже сложился, но и не представлял собой живой, действующей фонетической закономерности.

В системе ассимилятивно-диссимилятивного яканья (равно как и диссимилятивного яканья щигровского и суджанского типов) при ударенном *о* в предударном слоге звучит *а*, при ударенном *е* (не из *ъ*) в предударном слоге звучит «не-*а*». Именно поэтому произносится не только *с'ало́, с'астро́j, т'ало́к*, но также и *пл'ач'о́, з'амл'о́j, п'ан'о́к*, где *о* аналогического происхождения появилось в весьма давнюю эпоху, предшествующую образованию данного типа яканья.

Таким образом, устанавливается следующая последовательность:

1. Отсутствие яканья и отсутствие *о* вместо *е*: *ведёмъ, медвъдёмъ*.

2. Отсутствие яканья и появление *о* вместо *е* в определенных элементах слов формального значения: *в'ед'ём, м'едв'ъд'о́м*.

3. Появление яканья с гласным *а* в предударном слоге при наличии под ударением *о* (вместо *е* в указанных морфемах): *в'ед'ём*, но *м'ед'в'ад'о́м*.

4. Появление *о* вместо *е* в других случаях: *в'ед'о́м, м'ед'в'ад'о́м*.

Таковы данные относительной хронологии.

Попытка представить интересующие нас процессы в их отношении

[21] Немало соответствующих примеров в качестве «исключений» для говоров б. Курской губ. с суджанским типом диссимилятивного яканья можно найти в диссертации Н. Н. Дурново «Диалектологические разыскания в области южновеликорусских говоров», ч. I, вып. I, 1917, стр. 76, 78, 83, 85 и др.

Описанные выше соотношения недавно были установлены для орловских говоров С. И. Котковым в его докторской диссертации. См. автореферат «Говоры Орловской области», Орел, 1952.

к абсолютной хронологии приводит к следующему. Взаимодействие между твердыми и мягкими основами относится к глубокой древности, к эпохе до падения редуцированных. Об этом свидетельствуют написания типа *гноимь, конымь* в памятниках XI—XII вв. Однако и после падения редуцированных это взаимодействие продолжалось (вызывая написания типа *гноемь, краемь*). Что же касается изменения *е* в *о*, то рязанские говоры его не знали в качестве фонетического процесса усвоили ударенное *о* после мягких согласных в позднейшее время под влиянием других говоров, переживших данный процесс. Этот вывод относится, видимо, и к курско-орловской группе говоров с диссимилятивным яканьем, так как различная реакция предударного гласного на ударенное *о* после мягких согласных в указанных выше двух категориях случаев имеет место и в них.

Однако имеются сведения, пока немногочисленные, о наличии таких говоров с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, которые реагируют одинаково на ударенное *о* после мягких согласных в любых случаях, но в то же время откликаются по-разному на этимологическое *е*, сохранившееся без изменения в *о* перед мягким согласным и, напротив, изменившееся в *о* перед твердым: 1) *б'ар'óза, в'ас'óлъj, н'ас'óм, в'ад'óм* и рядом: *пл'ач'ó, б'ал'jóм, з'амл'ój, м'ид'в'ад'óм*; 2) *в'ис'ёл'jа* (но: *в'ас'óлъj*), *д'ир'ёвн'ъ, в'из'ёш, уб'ир'ёш* (но: *н'ас'óм, в'ад'óм*). Таким образом, намечается третий тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья, при котором «не-*а*» произносится при наличии под ударением *е* (любого происхождения, т. е. как из *ѣ*, так и из *е*, *ъ*, не изменившихся в *о*), а в остальных случаях, в том числе при наличии под ударением *о* после мягких согласных из *е* и *ъ*, в предударном слоге звучит *а*. Этот тип может быть назван култуковским, так как впервые обнаружен В. Г. Орловой в д. Култуки Тумского района Рязанской области; он найден также Н. Б. Бахилиной в с. Мещерском Сердобского района Пензенской области, а также отмечен в одном из ответов на диалектологическую программу из д. Самуси Велижского района Смоленской области.

Необходимы дополнительные поиски и более обширный материал для выяснения деталей этого типа яканья и его происхождения. Сейчас можно высказать предположение, что он образовался в говорах, уже переживших изменение *е* в *о*, т. е. что фонетическое изменение *е* в *о* в этих говорах предшествовало образованию яканья. Весьма вероятно предположение, что эти говоры находятся за пределами зоны первоначального образования аканья, так как изменение *е* в *о*, видимо, первоначально было чуждо говорам исконной территории аканья, т. е. первичным южновеликорусским говорам.

Существенными оказались данные «Атласа» для установления происхождения умеренного яканья в части говоров. В. Н. Сидоров обратил внимание на тождественность отклонений от системы предударного вокализма после мягких согласных в говорах владимиро-поволжского типа, с одной стороны, и смежных средневеликорусских — с другой: имеется в виду произношение *пекли, в ведре* с гласным *е* в предударном слоге перед группой согласных, начинающейся с твердого согласного, при ожидаемом *о* при ёканье и *а* при умеренном аканье, а также весьма частое сохранение *а* после мягких согласных в говорах обоего типа в положении перед мягким согласным (*п'ат'и́, въгл'ан'и́* и т. д.). Это дало возможность В. Н. Сидорову окончательно установить северновеликорусское происхождение данных говоров и объяснить образование в них умеренного яканья изменением *о* после мягких согласных в *а* [22].

[22] См. В. Н. Сидоров, О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах, «Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка», 1951, вып. 2, стр. 172—183.

Большой научный интерес представляет обнаружение в псковских говорах вблизи границы оканья-аканья некоторых ранее не известных в них типов предударного вокализма, представляющих собою разные ступени перехода от оканья к аканью [23]. Один из них заключается в аканье при наличии под ударением *а* и в оканье в остальных положениях: *вада́, стала́*, но: *воды́, воде́, водо́й, к столу́* и т. п. Этот тип (однако только после твердых согласных) был отмечен в одном из подмосковных говоров в районе г. Шатуры [24]. При другом типе, который можно назвать полновским (по Полновскому району Псковской области, где он отмечен), принцип аканья раньше всего проникает в положение перед ударенным гласным верхнего подъема при сохранении оканья перед остальными гласными: *вады, к сталу́*, но: *вода́, стола́, воде́, водо́й*. Оба эти типа, хотя и по-разному идущие к аканью, представляют собой первую ступень отхода от оканья. Следующую ступень его мы находим в третьем из вновь отмеченных новых типов предударного вокализма, который можно назвать гдовским (по Гдовскому району Псковской области, где он отмечен). Он заключается как бы в объединении двух предыдущих типов: принцип аканья проникает в положение перед ударенным слогом с гласными нижнего и верхнего подъема, а оканье сохраняется перед ударенными гласными среднего подъема: *вада́, стала́, вады, к сталу́*, но: *вод'е́, водо́й, на стол'е́, столо́м*.

Чрезвычайно важно отметить, что эти типы переходного окающе-акающего вокализма охватывают положение как после твердых согласных, так и после мягких: 1) *н'асла́*, но: *н'есу́* (*н'осу́*), *с'ело́* (*с'оло́*), *в сел'е́*; 2) *н'асу́*, но: *н'есла́* (*н'осла́*), *с'ело́* (*с'оло́*), *в с'ел'е́*; 3) *н'асла́, н'асу́*, но: *с'ело́* (*с'оло́*), *в с'ел'е́*. Параллелизм в процессе развития аканья в положении после твердых и мягких согласных в современных говорах, возможно, является одним из свидетельств его более позднего, вторичного происхождения (ср. такой параллелизм в смоленских говорах).

Эти типы предударного вокализма требуют еще специальных наблюдений на месте и уточнений. Однако не подлежит сомнению, что они, во всяком случае, имеют большое значение при изучении поздних процессов перехода от оканья к аканью.

III

Рассмотрим в свете данных лингвистической географии два важных для истории русского языка явления — аканье и образование фрикативного *г* на территории Европейской части СССР. Следует, однако, помнить, что история этих явлений может быть полностью разрешена только после составления атласов всех русских говоров Европейской части СССР, а также атласов белорусского и украинского языка.

Труднейшая проблема происхождения аканья все еще остается неразрешенной. Но она тесно связана с вопросами о времени и месте появления аканья, а история русского языка и лингвистическая география уже имеют серьезные данные для разрешения этих вопросов. Эти данные позволяют высказать предположение, что аканье есть новообразование, охватившее в разные периоды часть говоров русского языка и белорусский язык, и что, следовательно, взгляды бывших сторонников «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра об изначальности аканья наряду с оканьем в корне неправильны.

В свете новейших данных оказывается несостоятельной и господство-

[23] Один из этих типов кратко описан А. П. Евгеньевой в статье «Третья диалектологическая экспедиция Филологического факультета». «Доклады и сообщения Филологического факультета ЛГУ», 1949, вып. 1, стр. 209—215.

[24] См. книгу автора настоящей статьи «Очерки русской диалектологии», ч. I, М., 1949, стр. 65, § 46.

вавшая до недавнего времени теория раннего происхождения аканья (А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново). Главным основанием для возведения аканья в доисторическую древность являлось для сторонников этого взгляда то, что оно свойственно не только южновеликорусскому наречию русского языка, но также и белорусскому языку. Упрощенное применение сравнительного метода вне учета реального исторического процесса приводило историков языка к выводу о том, что все общее, встречающееся в разных диалектах или родственных языках, относится к эпохе, предшествующей образованию этих диалектов или языков. Так и аканье было признано относящимся к эпохе, предшествующей образованию южновеликорусского наречия и белорусского языка, и возникновение его было отнесено к предположенному для этой эпохи А. А. Шахматовым восточнорусскому наречию. «Восточнорусское наречие восстанавливается путем сравнительного изучения южновеликорусского и белорусского наречий: общие тому и другому наречию явления могут быть возведены к восточнорусской эпохе»,— писал А. А. Шахматов [25]. Важнейшая черта среди этих общих явлений — аканье.

Однако где, когда и при каких исторических условиях существовало восточнорусское наречие? Разве были когда-либо объединены верховья Березины и Свислочь, верхний Днепр и Сож с верховьями Сейма и течением Оки [26]? Если говорить о племенной эпохе, то здесь обитали и дреговичи, и радимичи, и кривичи, и северяне, и вятичи. Эти племена никогда не образовали какого-либо единства. Если говорить об эпохе феодальной раздробленности, то здесь были расположены княжества Полоцкое, Смоленское, части Турово-Пинского, Черниговского, Новгород-Северского, значительная часть Рязанского. Эти территории также никогда не образовали какого-либо единства.

Антиисторизм взглядов А. А. Шахматова на происхождение аканья в его отношении к другим языковым явлениям может быть иллюстрирован его высказываниями об истории аканья в белорусском языке. По А. А. Шахматову, аканье в белорусском языке — позднейший слой, полученный, однако, уже в X в., через радимичей. Этому слою предшествовал древнейший слой, объединяющий белорусский язык с украинским, а по отношению к отдельным чертам — также с польским. Для обоснования этого утверждения А. А. Шахматову пришлось сделать совершенно произвольное предположение о том, что радимичи в древнейшую эпоху жили на Оке вместе с вятичами. В этих условиях «радимичи, воспринявши речь вятичей, усвоили себе и эту звуковую особенность — аканье... Через их посредство эта звуковая особенность проникла в современный нам белорусский язык»[27].

Не будем говорить о том, как особенность племенного диалекта радимичей вообще может проникнуть в современный белорусский язык, но посмотрим, какие же черты белорусского языка относятся, по А. А. Шахматову, к его древнейшему слою. Среди этих черт, роднящих белорусский язык с украинским, оказываются такие, как развитие *ў* из *л* на конце слова и перед согласным, развитие *ў* из *в* (*въ*, *вь*) в тех же условиях, обра-

[25] А. А. Шахматов, Очерки древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 330.

[26] По сообщению проф. Б. А. Рыбакова, так называемая «юхновская» культура, относящаяся к началу н. э., объединяла большую часть названной территории. Но историки русского языка не могут отнести образование особенностей южновеликорусских говоров к этой отдаленной эпохе.

[27] А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I, Пг., 1916, стр. 107. Критику взглядов А. А. Шахматова на образование белорусского языка см. в статье автора настоящей работы «Вопросы образования русского языка и его говорах», «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 119—123.

зование дифтонгов в новых закрытых слогах и др.[28] Но известно, что эти черты могли появиться только после падения редуцированных. Среди древнейших черт, роднящих белорусский язык с польским, мы видим у А. А. Шахматова дзеканье и цеканье, шепелявое произношение мягких *с*, *з*, отвердение *р*. Однако история белорусского языка доказывает еще более позднее образование этих черт и появление их вне связи с польской языковой средой [29].

В результате всего этого, согласно «концепции» А. А. Шахматова, получается: аканье — позднейший слой в белорусском языке, но оно появилось в X в. Ему предшествовал древнейший слой: явления, роднящие белорусский язык с украинским, и явления будто бы польского происхождения. Однако первые появились главным образом после падения редуцированных, а вторые еще позднее. Как же в этих условиях белорусское аканье может быть возведено к X в.? Совершенно очевидно отсутствие каких бы то ни было данных для отнесения его в такую седую древность. История белорусского языка и данные лингвистической географии свидетельствуют о позднем появлении аканья в белорусском языке.

Историческое изучение аканья в его живом звучании и отражении в письменных памятниках в связи с данными относительной хронологии языковых явлений дает основания для утверждения о том, что аканье возникло после падения редуцированных [30].

До сих пор остается неясным вопрос о соотношении между аканьем в собственном смысле и яканьем. В то время как яканье вообще и диссимилятивное яканье, в частности, известно во многих своих структурных разновидностях, позволяющих на основе сравнительно-исторического изучения этих разновидностей в значительной мере воссоздать процесс его развития, аканье в собственном смысле известно лишь в двух разновидностях — недиссимилятивной и диссимилятивной. Является ли это результатом того, что в положении после твердых согласных структурные разновидности аканья почему-то утрачивались легче и раньше, чем в положении после мягких согласных? Или, возможно, в положении после твердых согласных и не было такого многообразия структурных разновидностей? Эти вопросы требуют еще ответа.

Однако мы должны обратить внимание на следующий факт лингвистической географии: диссимилятивное аканье обычно сопровождается совершенно аналогичным ему и параллельным диссимилятивным яканьем жиздринского типа, т. е. *въдá — вад'é* произносится рядом с *в'иснá — в'ас'н'é*; *дълá — дайý, дайбш* произносится рядом с *н'илá — н'асу, н'ас'бш*. Это может свидетельствовать о том, что наличие жиздринского типа диссимилятивного яканья задерживало утрату диссимилятивного аканья.

Данные лингвистической географии указывают и на другой факт: диссимилятивное аканье, звучащее на западе русской языковой территории и в восточных говорах белорусского языка, охватывает область, находящуюся в большей своей части за пределами территории первоначального образования аканья. Предвосхищая последующее, отметим также, что диссимилятивное яканье жиздринского типа, как показывает структурно-историческое изучение безударного вокализма, является одним из наиболее новых типов диссимилятивного яканья.

---

[28] См. А. А. Шахматов, там же, стр. 105.

[29] См. об этом П. А. Расторгуев, К вопросу о ляшских чертах в белорусской фонетике, «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, 1927; см. также статью Н. Войтович «Да пытання аб паходжанні беларускага дзекання і пекання», «Мінскі дзяржаўны педагогічны інстытут. Вучоные запіскі», Філалагічная серыя, вып. 1, Мінск, 1950, стр. 94—104.

[30] Аргументация этого положения была дана в упомянутой выше статье «Вопросы образования русского языка в его говорах», стр. 138—139.

В этой связи нельзя не вспомнить материалы «Атласа русских говоров северо-западных областей» (где аканье, вне всякого сомнения, появилось поздно, а в некоторых местах только в самое последнее время постепенно вытесняет собою оканье), которые указывают на параллельность в развитии предударного вокализма в положении после твердых и мягких согласных. Не указывает ли такой параллелизм на позднее образование аканья в соответствующих говорах? Однако новые материалы свидетельствуют о диссимилятивном аканье в ряде районов Курской области и притом в сочетании с иными типами диссимилятивного яканья. Выяснению происхождения диссимилятивного аканья поможет установление территории его распространения и его изучение в связи с представленными в тех же говорах типами яканья. Эти вопросы требуют дальнейшего углубленного исследования. Но история русского языка и лингвистическая география на многие другие вопросы могут дать ответ и сейчас. Исследователи безударного вокализма русского языка единодушно считают диссимилятивное яканье более древним по сравнению с другими его типами [31].

Изучение диссимилятивного яканья во всем многообразии его структурных разновидностей, а также яканья с элементами диссимилятивности свидетельствует о большей древности тех его типов, которые по-разному реагируют на ударенные гласные среднего подъема различного происхождения, по говорам сохранившиеся как гласные среднего и верхне-среднего подъема. К числу таких типов прежде всего относятся обоянский и задонский, которые в предударном слоге неодинаково реагируют на ударенные гласные из *ѣ* и *е* (*ь*), а также из *о* под восходящим и *о* под нисходящим ударением и *ъ*. Далее, к ним относится щигровский тип, который сохраняет различие только в первой паре ударенных гласных, приравнивая оба гласных второй пары к гласным верхнего подъема. Наконец, к ним можно присоединить с известными основаниями и суджанский тип. Правда, последний не реагирует на этимологически различные гласные первой и второй пары, но следы различения этих гласных он сохраняет в том, что первая пара приравнивается к гласным нижнего подъема, а вторая — к гласным верхнего подъема. Впрочем, возможно, что первоначально тут было дело не в подъеме, а в ряде (гласные типа *е* и типа *о* — передние и задние), так как исконные южновеликорусские говоры не знали, видимо, изменения *е* в *о*. Однако и в дальнейшем, когда в них появилось *о* на месте *е*, суджанский тип диссимилятивного яканья, как и все ранее упомянутые, никак не реагировал на эти позднейшие различия в ударенном гласном — *е* или *о* на месте *е*: ср. *в'ис'ёл'jъ — в'ис'бл'j*.

Различия между этими типами диссимилятивного яканья, возможно, представляют собою последовательные ступени в его развитии, появившиеся после его образования в результате постепенного процесса утраты различий между ударенными гласными среднего и верхне-среднего подъема (обоянский и задонский типы → щигровский → суджанский).

Но не исключено и предположение о том, что различия между этими типами яканья обусловлены особенностями системы ударенного вокализма в эпоху, предшествующую образованию диссимилятивного яканья. Это означало бы, что типы диссимилятивного яканья образовались в результате одного и того же процесса, но он имел место в говорах, отличавшихся по системе своего ударенного вокализма, чем и объясняются его нетождественные результаты.

Что касается других типов диссимилятивного яканья — донского и жиздринского, то в них отсутствуют какие бы то ни было указания на

[31] Если оставить в стороне некоторые не оправданные фактами попытки пересмотра этого положения со стороны бывших представителей «нового учения» о языке, вообще не признававших установленные типы яканья.

различия в предударном вокализме в зависимости от ударенных гласных среднего или среднего и верхне-среднего подъема; по отношению к гласным предударного слога все они функционируют одинаково: в донском типе — как гласные нижнего подъема, ввиду чего в предударном слоге звучит «не-*а*», в жиздринском типе — как гласные верхнего подъема, ввиду чего в предударном слоге звучит *а*. Это дает основания считать, что донской и жиздринский типы диссимилятивного яканья являются более поздними по сравнению с другими его типами.

Данные лингвистической географии целиком подтверждают результат структурно-исторического анализа диссимилятивного яканья. Оказывается, что типы его, которые можно считать более новыми, распространены на периферии территории диссимилятивного яканья — юго-восточной (по преимуществу средний и нижний Дон, нижнее течение Северного Донца, Северный Кавказ) для донского типа и северо-западной (Смоленск, Полоцк) для жиздринского (белорусского) типа. Это обстоятельство никак не может быть случайным. Средний и нижний Дон и Северный Кавказ — это территории поздней и даже позднейшей колонизации. Они были заселены главным образом в конце XVI и в XVII вв., а также в последующие эпохи из разных мест, по преимуществу южновеликорусских. Можно думать, что в эти поздние эпохи в результате взаимодействия между другими более старыми типами диссимилятивного яканья и их подравнения образовался донской тип.

Иначе обстоит дело с жиздринским типом, который распространен на территории древнейшей восточнославянской колонизации. Это главным образом территория Смоленской и Полоцкой земель, а применительно к более ранней эпохе — территория в основном кривичей. Следует подчеркнуть, что пределы распространения этого типа диссимилятивного яканья не совпадают с племенной территорией кривичей: последние жили и севернее Полоцка и Смоленска — в Псковской и Тверской землях, а также восточнее — в Ростово-Суздальской земле; между тем на этих территориях не только отсутствует диссимилятивное яканье, но известно, что на них был распространен, а частью и сейчас распространен северный окающий диалект. С другой стороны, на этой территории частично жили и представители других племен (например, радимичи — по Сожу). Все это приводит нас к выводу, что образование диссимилятивного яканья на территории его современного распространения не может быть отнесено к племенной эпохе.

Пределы распространения диссимилятивного яканья жиздринского типа ближе соответствуют территории Смоленской и Полоцкой земель, взятых вместе. Однако если бы его возникновение относилось ко времени образования этих феодальных земель как самостоятельных «полугосударств» в XII в., то осталось бы неясным, почему оно охватило оба эти «полугосударства» или, во всяком случае, почему в структуре этого типа диссимилятивного яканья на территории Смоленска и Полоцка отсутствуют сколько-нибудь заметные отличия. Наконец, почему этот тип яканья не охватил всю Смоленскую землю? А известно, что он отсутствует на востоке Смоленской земли — в юго-западном и западном Подмосковье (Протва, верховья Москвы), где распространено умеренное яканье. Жиздринский тип отсутствует и западнее этой территории — между Гжатью и Вязьмой, где распространен суджанский тип.

Все это заставляет считать, что жиздринский тип, занимающий северо-западную часть современной территории распространения диссимилятивного яканья, появился в более позднюю эпоху — в великом княжестве Литовском, в составе которого примерно в середине XIV в. оказались «Верховские княжества» (бассейн верхней Оки) и Курск. Ввиду

этого временем интенсивного распространения аканья вообще и диссимилятивного яканья в частности на территории Смоленска и Полоцка можно считать XV—XVI вв. В это и последующее время аканье распространялось и далее на запад на всю белорусскую языковую территорию. Однако, испытывая «сопротивление» местного языкового материала, оно качественно изменялось в своей структуре, перерождаясь в сильное яканье, неполное аканье и яканье и т. д., постепенно, так сказать, затухая (по всяком случае в структурном отношении) по мере приближения к украинской языковой области.

Показания письменных памятников полностью подтверждают данные истории и лингвистической географии: смоленские грамоты, известные начиная с первой трети XIII в., не дают для XIII и XIV вв. материала, который мог бы свидетельствовать о наличии в это время в Смоленской земле аканья. Первые указания на аканье и притом в виде единичных случаев мы находим в смоленских и полоцких памятниках только для XV в.

Мы разобрали вопрос о происхождении диссимилятивного яканья в смоленских говорах и южновеликорусских говорах юго-востока. Если мы оставим в стороне эти территории позднего появления диссимилятивного яканья, то южновеликорусское наречие окажется представленным тремя группами говоров, образующих сплошную территорию: курско-орловской, рязанской и тульской. Рязанская группа примыкает к курско-орловской с востока; тульская находится между ними, примыкая с севера к курско-орловской группе и с запада к рязанской. С географической точки зрения территории этих диалектных групп можно охарактеризовать как бассейн Оки (кроме низовьев) и ее правых по преимуществу притоков. В состав этой территории вполне естественно вхождение также верховьев Дона, который течет между верхней Окой на западе и одним из ее притоков — Цной — на востоке. Лишь в районе Курска эта территория выходит за пределы бассейна Оки, занимая верховья Сейма.

Между этими группами говоров имеются известные различия. Однако историческое их изучение свидетельствует о том, что эти различия носят по большей части вторичный, позднейший характер. Основной словарный фонд у них общий во всех его решающих элементах. Грамматический строй отличается лишь отдельными частными явлениями, главным образом позднего происхождения. Более заметны отличия фонетические, но и они также позднейшего происхождения. Среди последних наиболее существенно как раз отличие в типе яканья.

Курско-орловские говоры с их диссимилятивным яканьем в наибольшей степени сохранили свой исконный тип предударного вокализма. Это объясняется историей края: он не только входил в состав территории, на которой возникло аканье, но в XIV—XV вв. представлял собою окраину развивающегося русского государства, будучи оторван от него Литвой.

Рязанским южновеликорусским говорам свойственно главным образом яканье ассимилятивно-диссимилятивное. Встречается среди них также умеренно-диссимилятивное, представляющее собой как бы первый этап на пути развития диссимилятивного яканья в ассимилятивно-диссимилятивное, а затем последнего, при известных условиях, в сильное. Принимая во внимание несомненность происхождения ассимилятивно-диссимилятивного яканья из диссимилятивного, а также то обстоятельство, что и в орловских говорах наряду с диссимилятивным яканьем представлено также умеренно-диссимилятивное и ассимилятивно-диссимилятивное, можно считать установленным единство происхождения яканья в курско-орловской и рязанской группах говоров.

Тульская группа говоров во всех своих решающих чертах весьма близка как к рязанским, так и к курско-орловским. Одно из заметных

отличий ее — умеренное яканье. Чтобы понять появление умеренного яканья в тульских говорах, надо учесть историю тульского края. Последний ранее других основных южновеликорусских земель был присоединен к Москве, находясь на важнейшем стратегическом пути в «дикое поле», на линии Москва — Серпухов — Тула; он был особенно тесно связан со столицей, по нему проходила первоначальная оборонительная линия. Естественно в этих условиях сильное влияние говоров центральных районов страны — Москвы и подмосковья. В процессе этого влияния в тульских говорах появилось умеренное яканье, заменившее собою диссимилятивное, а также некоторые другие черты, по которым они отличаются от курско-орловских и рязанских говоров, сближаясь со средневеликорусскими говорами центра. Все вышесказанное приводит нас к выводу, что курско-орловская, рязанская и тульская группы говоров весьма близки, а может быть, и едины в своей исторической основе в противоположность смоленским.

В отличие от остальных групп южновеликорусских говоров смоленские говоры находятся за пределами первоначального развития аканья; они развились в южновеликорусские из старосмоленских, северных по своему характеру говоров — окающих, цокающих, а также развивших *ў* и *у* на месте *в* (*въ*, *ъ*) в известных условиях, *е* открытое на месте *ѣ*, *о* открытое на месте *о* под восходящим ударением, а также *о* после мягких согласных на месте *е* (из *е* и ь) под ударением перед твердым согласным. Состав гласных фонем смоленских говоров, отсутствие в них категории гласных верхне-среднего подъема не только в настоящее время, но и в эпоху, предшествующую появлению в них аканья, в особенности изменение *е* в *о* (не имевшее места в других южновеликорусских говорах, в качестве фонетического процесса до появления яканья) объясняют до известной степени образование именно жиздринского типа диссимилятивного яканья. Этот тип не различает в предударном слоге разных гласных (*а* и «не-*а*») в зависимости от разных по происхождению ударенных гласных среднего подъема и приравнивает все эти гласные, возможно в связи с наличием в них с давних пор *о* после мягких согласных (*плач'о́м*, *н'ас'о́м* и т. д.), к гласным верхнего подъема.

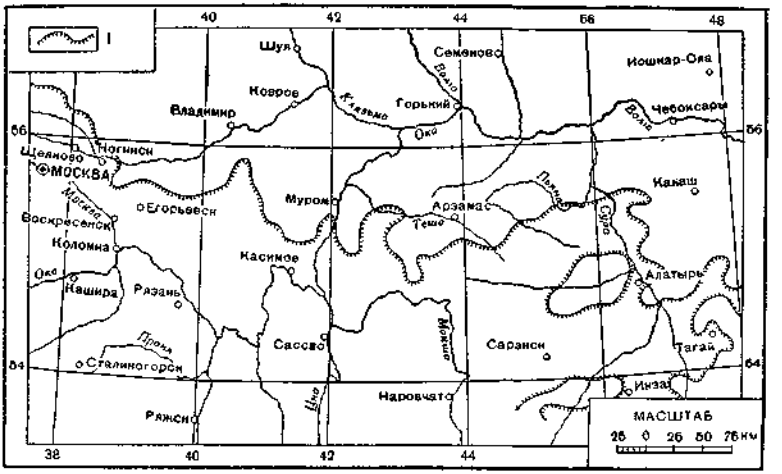
Таким образом, первоначальная территория распространения диссимилятивного яканья, а также и южновеликорусского наречия (ибо диссимилятивное яканье является одним из важных его признаков, а в прошлом было его конститутивным признаком) предположительно определяется следующим образом: верхний Сейм и бассейн Оки, кроме низовьев.

Когда же на этой первоначальной своей территории аканье могло возникнуть? Территория аканья в его современных пределах не соответствует какой-либо из племенных территорий древних восточнославянских племен или феодальных областей последующей эпохи, как не соответствует она и территории Русского государства того или иного периода. Аканье как черта, укрепившаяся в составе норм национального языка, на протяжении истории расширялось в своем территориальном распространении, а также расширяется и теперь.

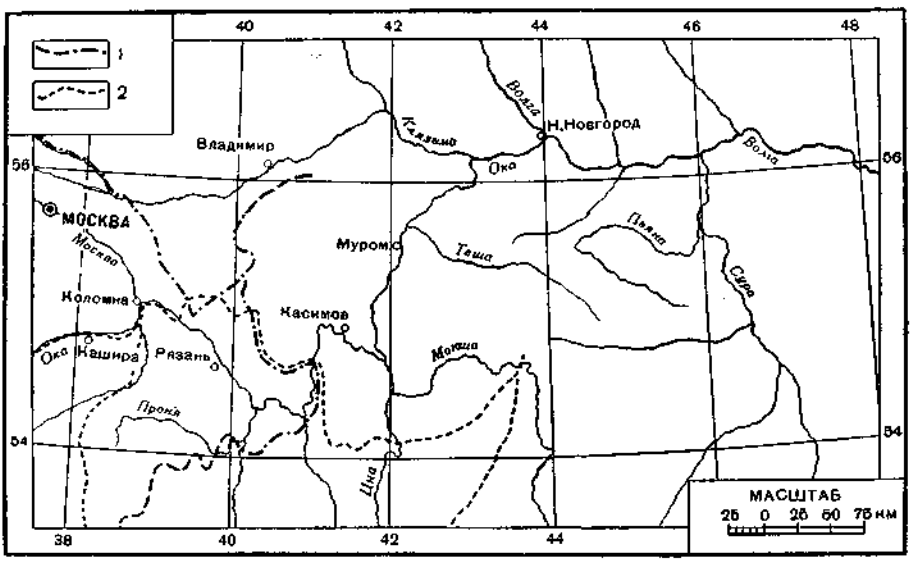
Однако изоглосса аканья-оканья в ее отношении к историческим границам дает весьма различную конфигурацию в зависимости от близости или отдаленности первоначальной территории аканья, где оно возникло. Например, в говорах центра, восточнее Москвы, изоглосса аканья-оканья проходит севернее Москвы в 60—70 км и затем следует на юго-восток. Она не повторяет границы между рязанским княжеством, входившим в состав первоначальной территории аканья, и Ростово-Суздальской Русью, так как первоначальная граница аканья значительно передвину-

лась на север [32], но она имеет что-то общее в своем направлении со старой исторической границей.

Совершенно иную картину дает «Атлас северо-западных областей». На территории кривичей и словен в древнейшую эпоху, в Псковской и



Карта № 5. *1* — северная граница аканья



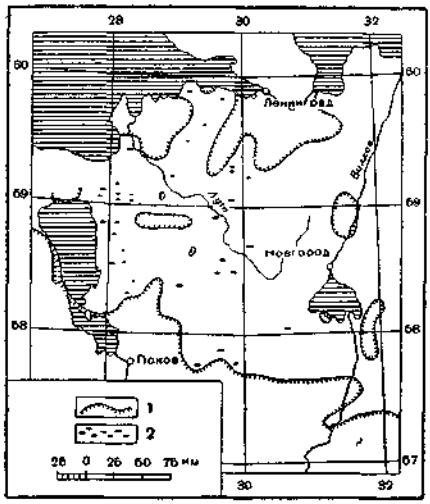
Карта № 6. *1* — вятичи и кривичи; *2* — Рязанское княжество в XIV—XV вв.

Новгородской землях — в последующую, конечно, не существовало аканья. В говорах части этой территории аканье возникло в более позднее время, после того как Псков и Новгород стали провинциями Русского государства со столицей в Москве. Именно поэтому изоглосса аканья-

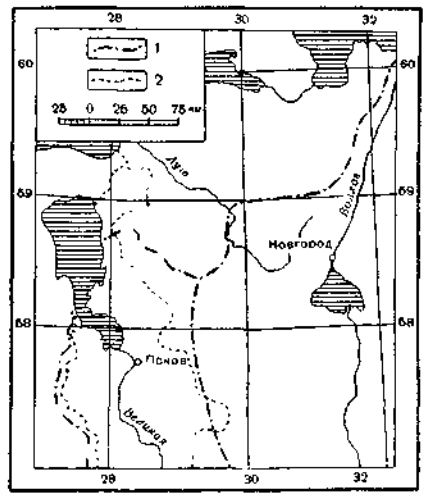
[32] Между прочим, сопоставление карт Московской диалектологической комиссии (1915) с картой аканья-оканья «Атласа русских народных говоров центральных областей» свидетельствует о заметном передвижении границы аканья на север за последние 35—40 лет.

оканья не имеет ничего общего с историческими границами древней эпохи, в том числе эпохи самостоятельности Новгорода и Пскова.

Однако и первоначальная территория распространения аканья (точнее, диссимилятивного яканья), как она определена нами предположительно, также не совпадает ни с одной племенной территорией. Правда, она включает в себя почти всю племенную область вятичей, но нам известно, что та часть ее, которая с образованием государственности вошла в состав Ростово-Суздальской Руси, имела первоначально северновеликорусский



Карта № 7. 1 — граница аканья; 2 — пункты с колебанием оканья и аканья



Карта № 8. 1 — кривичи и словене: 2 — Псковская и Новгородская земли в XV в.

характер говора (Москва). С другой стороны, в первоначальную территорию аканья входила также и часть территории северян. Однако на другой ее части впоследствии развился украинский язык. Все это свидетельствует о том, что аканье не может быть отнесено к племенной эпохе, а возникло после образования и развития государственности, не ранее начала XII в.

Естественно предположить, что общие языковые особенности на обширной территории могут возникнуть при наличии связей между частями ее, а не при их разъединенности. Поэтому можно полагать, что аканье, в том числе в виде диссимилятивного яканья, возникло не позже времени вхождения верхнего течения Оки и верхнего Сейма («Верховских княжеств» и Курска) в состав великого княжества Литовского, имевшего место, как уже упомянуто выше, в середине XIV в. К этому времени в Курско-Орловском, Тульском и Рязанском краях имело место аканье и диссимилятивное яканье, развившееся в предшествующую эпоху, т. е. уже, видимо, в XIII в. Вхождение «Верховских княжеств» и Курска с их южновеликорусским диалектом в состав Великого княжества Литовского оторвало их от южновеликорусских земель средней Оки, далее развивавшихся самостоятельно; с другой стороны, оно способствовало, вероятно, распространению аканья среди восточнославянских диалектов севера Литовского княжества в XV в. Таким образом, Рязанское, Новгород-Северское, Черниговское княжества XII—XIII вв.—вот в основном место и время образования аканья.

Неясным остается вопрос о том, при каких обстоятельствах и в какое время на части территории Новгород-Северского и Черниговского кня-

жеств мог развиться украинский язык. Ответ на этот вопрос должны дать история украинского языка и атлас украинских диалектов.

Итоги структурно-исторического изучения и данные лингвистической географии в связи с данными истории и археологии привели нас к одному и тому же выводу о месте и времени образования аканья. Это не может быть случайным, хотя, разумеется, такой вывод еще не может считаться окончательным.

IV

Сравнительно-историческое изучение славянских языков со всей непреложностью свидетельствует об исконности во всех этих языках взрывного заднеязычного образования *г*. Таким образом, фрикативное *г*, свойственное южновеликорусскому наречию, есть новообразование, охватившее в известный период часть говоров. Следует отметить, что фрикативное *г* представляет собой такое новообразование, которое оказалось за пределами норм национального языка. Поэтому его первоначальная территория, как правило, не имела данных для расширения в русском языке. С другой стороны, *г* фрикативное является весьма устойчивой диалектной чертой, которая хотя и могла в известных условиях утрачиваться на части своей территории, но весьма медленно, с большим сопротивлением. Это придает значительный интерес данным лингвистической географии о том или ином образовании *г*.

Можно утверждать с полным основанием, что южновеликорусское γ генетически связано с украинским h: *г* → γ → h являются последовательными ступенями эволюции первоначально единой взрывной заднеязычной фонемы. Образование γ из взрывного *г* объясняется слабостью взрыва при звонких согласных. Дальнейшее развитие γ в гортанное или, скорее, фарингальное образование в украинском связано с тем, что γ образуется при мало энергичном суженин, делающем эту артикуляцию очень открытой, в связи с чем преграда удаляется назад и получается глубокая артикуляция с относительно слабым фрикативным шумом.

Возможность звука *х* на месте *г* в конце слова в украинском (*pix* «рог») [33] свидетельствует об образовании h из γ и вместе с тем указывает на время этого процесса — после утраты редуцированных и оглушения γ на конце слова в части говоров. Относительно позднее время этого процесса явствует и из того, что украинские говоры сохранили многие переходные ступени между γ и h, имея еще «частью велярный фрикативный или же фрикативный гортанный с остатками велярного сужения» [34].

На наличие заднеязычной артикуляции при образовании украинского *г* указывают и современные экспериментальные исследования в области фонетики украинского языка [35]. Однако описанный Т. А. Бровченко украинский звук все же заметно отличается от типичного южновеликорусского γ, и это отличие, видимо, объясняется тем, что заднеязычная артикуляция сопровождается определенной работой в области фаринкса или гортани.

Таким образом, до образования h украинская и исконно южновеликорусская зоны [36] в равной мере характеризовались фрикативным задне-

---

[33] О. Брок утверждает, что такое произношение обычно для украинской интеллигенции. См. О. Брок, Очерк физиологии славянской речи, СПб., 1910, стр. 57.

[34] Там же.

[35] См. Т. А. Бровченко, Сравнительный анализ фонем украинского и английского языков, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 1-й Моск. гос. педагогич. ин-т иностр. языков, 1952, стр. 13.

[36] Выше на материале аканья было обосновано, что южновеликорусский характер смоленских говоров, равно как и южновеликорусские по происхождению черты в белорусском, являются вторичными.

язычным образованием *г*. Исследователь этого явления не может пройти мимо того факта, что обе эти зоны образовали сплошную территорию: бассейн Оки (кроме низовьев) и среднее Поднепровье естественно соединялись в водоразделе верховьев Оки и верховьев рек днепровской системы — Десны и Сейма с их притоками. Именно эту область, соответствующую «Русской земле» конца XI, начала XII вв. (т. е. Киевскому, Переяславскому и Черниговскому княжествам), с некоторым расширением на северо-востоке по Оке (примерно, от Коломны до старой Рязани и еще несколько дальше), следует считать первоначальной территорией фрикативного *г*.

Нетрудно заметить, что северо-восточная часть этой области одновременно является территорией возникновения аканья (см. выше). Отсюда следует, что аканье образовалось в эпоху расчленения этой области (когда северо-восток ее, впоследствии южновеликорусский, обособился от остальной части Русской земли), т. е. с переходом к феодальной раздробленности и в период возникновения начальных процессов образования украинского языка, с одной стороны, и южновеликорусского наречия — с другой. Скорее всего это произошло в XIII в. Иными словами, здесь с другого конца и на другом материале мы приходим к тому выводу, который уже был сформулирован выше.

В противоположность этому можно считать, что *г* фрикативное, распространившееся по всей Русской земле, образовалось в более ранний период ее относительного единства, т. е. до половины XII в. Осложняющим обстоятельством является то, что *г* фрикативное на северо-востоке выходит за пределы Русской земли и охватывает Рязанскую землю. Почему же именно здесь оказывается несовпадение зоны фрикативного *г* и территории Русской земли? Ведь глухой в то время Рязанский край был достаточно обособлен от Русской земли.

Необходимо учесть, что расширение территории γ следует по течению Оки, значительная часть которого (до Коломны) входила в Русскую землю. Необходимо учесть, кроме того, что среднее течение Оки (до старой Рязани и далее) издавна было связано со средним Поднепровьем. Рязань в XI—XII вв. входила, как известно, в Черниговскую епархию: связи с Черниговом порвались лишь в XIII в. Нельзя забывать, наконец, и того, что Ока как в своей «черниговской» части, так и в «рязанской» была заселена потомками вятичей. Все это наводит на мысль о возможности более раннего образования фрикативного *г* — в эпоху, предшествующую образованию Русской земли (XI — первая половина XII вв.)

Считая безусловной генетическую связь южновеликорусского γ и украинского h и относя изменение *г* в γ в раннюю эпоху, мы вместе с тем должны подчеркнуть, что образование γ и h в древних восточнославянских диалектах, как это в свое время было доказано А. М. Селищевым [37], проходило независимо от аналогичного процесса в других славянских языках (чешском, словацком, словинском). Нужно полагать, что дальнейшее развитие γ в h на западе Русской земли относится к более поздней времени формирования украинского языка. Определить точнее время этого процесса не представляется пока возможным. Можно допустить, что он имел место в разных диалектах неодновременно и, может быть, даже не во всех диалектах, так как и сейчас он в отдельных говорах не завершен. Мы видели, что структурный анализ нас привел к этому же выводу по во-

[37] См. А. М. Селищев, Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, «Slavia», VII, № 1, 1928, стр. 35—36.— См. также рецензию А. М. Селищева на «Очерк истории русского языка» Н. Н. Дурново в «Известиях Отд-ния русск. языка и словесности АН СССР», т. XXXII, Л. 1927, стр. 303—330.

просу о времени образования h: оно образовалось не только после падения редуцированных, но и после оглушения согласных в конце слова.

Нам остается сказать об истории *г* на территории смоленских говоров, а также белорусского языка. Южная часть территории белорусского языка входила в состав Русской земли XI — первой половины XII вв., как она была очерчена нами выше, и относится, следовательно, к первоначальной зоне развития фрикативного *г*. Впоследствии эта территория составила Турово-Пинское княжество, а также Черную Русь, затем вошедшую в состав Полоцкой земли.

Остальная часть белорусской языковой территории и территории смоленских говоров русского языка находилась за пределами Русской земли: это — Смоленская и Полоцкая земли, севернорусские по составу своего населения и близкие в этом отношении к Ростово-Суздальской земле и Пскову. На месте Ростово-Суздальской земли и до сих пор распространены главным образом северновеликорусские говоры. На месте древней Псковской земли частично распространены северновеликорусские говоры, частично — средневеликорусские северного происхождения. Ввиду всего этого можно считать, что Смоленская и Полоцкая земли были за пределами первоначальной территории фрикативного *г* и получили последнее позднéе и что в смоленских и северо-восточных и белорусских говорах невзрывное образование *г* носит вторичный характер.

Таким образом, в ту эпоху, когда уже существовало не только фрикативное *г*, но также и аканье, смоленские говоры еще имели некоторое время *г* взрывное и оканье, т. е. носили ясно выраженный северный характер. Некоторые данные позволяют предположить, что невзрывное *г* и аканье в Смоленской и Полоцкой землях появились в разное время и распространялись из разных исходных территорий.

Мы уже знаем, что аканье и в структурном отношении, и по полноте своего проявления претерпевает по направлению на запад такие изменения, которые свидетельствуют о его появлении в смоленских говорах и белорусском языке с востока, из основной, исконной южновеликорусской территории.

С другой стороны, гортанное, или фарингальное, образование *г* в белорусской языковой области, в особенности на северо-востоке и востоке, менее распространено, чем на юге (Черная Русь, Турово-Пинская земля), который входил в состав области первоначального образования γ и, надо думать, дальнейшего развития его в h. Во многих белорусских говорах (не на юге) известно заднеязычное фрикативное γ, близкое к южновеликорусскому.

При изучении древнейшего периода истории белорусского языка следует иметь в виду, что он возник на территории двух весьма различных в языковом отношении областей: с одной стороны, говоров Турово-Пинского княжества и Черной Руси, однородных с теми, которые легли впоследствии в основу говоров северноукраинских; с другой стороны, говоров Полоцкой земли, а также части Смоленской, однородных с теми говорами, на почве которых образовались соседние северновеликорусские. При этом первые имели преобладающее значение в более древнюю эпоху: черты, свойственные им, широко распространялись по территории формирующегося белорусского языка, иногда захватывая ее полностью и нередко переходя на восточную часть Смоленской земли. Можно думать, что именно с этим процессом, идущим с юга на север и северо-восток, связано первоначальное распространение невзрывного *г* на территории Полоцкой и Смоленской областей.

В более позднюю эпоху приобретают ведущее значение процессы, идущие с востока на запад и принесшие аканье. Правда, и эти процессы могли

способствовать усвоению на Смоленской и Полоцкой территории невзрывного (точнее, фрикативного) *г*. Однако данные письменных памятников свидетельствуют о том, что аканье и невзрывное *г* на территории Смоленской и Полоцкой земель появились неодновременно: смоленские и полоцкие грамоты заключают в себе указания на невзрывное *г* уже для XIV в., в то время как самые робкие элементы аканья находят в них отражение, как уже нами было выше упомянуто, только с XV в.

Более позднее появление невзрывного *г* на смоленском и полоцком северо-западе, а также взаимодействие на этой территории различных диалектов, один из которых способствовал усвоению γ и h, другой — γ, объясняют непоследовательность белорусского языка в его говорах, а также смоленских говоров в отношении этой черты — наличие в них не только h, но и γ, а также множества переходных между ними артикуляций.

*

Поставленные выше вопросы свидетельствуют о том, что лингвистическая география дает важнейший материал для истории языка в связи с историей народа, что лингвистическая география и внутренние законы развития языка не являются такими антиподами, как это обычно принято было считать, что нельзя отрывать лингвистическую географию от изучения внутренних законов развития языка. Что касается разрешения поставленных вопросов в плане конкретно-историческом, то оно, несомненно, будет уточняться и углубляться по мере обогащения советской науки новыми фактическими материалами и углубления научного анализа. Следует только отметить, что при изучении истории языков древнейших периодов нам не обойтись без научных гипотез. Нужно только, чтобы они были возможно более надежно аргументированы и оснащены фактическим материалом.

Современной постановкой всех вопросов истории языка и лингвистической географии, самым направлением своих исследований советские языковеды полностью обязаны великому корифею науки И. В. Сталину и его гениальному труду «Марксизм и вопросы языкознания», в котором изложена созданная И. В. Сталиным система марксистского языкознания.